

но) на эволюционистских позициях, следует указать на то, что бытовая сказка не столько развивает первоначальные идеи судьбы, сколько возвращает нас к их первоистокам. Тем самым в ней противопоставлены первоначальные и наивные представления развитым, идеологически усложненным и мистически переосмысленным. Судьба в ее позднейшем понимании в бытовой сказке преображена в древние и наивные образы Горя и Доли, которых бедняк обманывает, бьет, изгоняет, высмеивает. В этой своеобразной наивности сказки кроется глубокий смысл. Сказочное представление о судьбе противопоставлено всему комплексу мистико-фаталистических идей, связанных с судьбой, осуществляющей свою власть с неотвратимой и устрашающей силой. В сказке царит веселый смех, отвергающий и побеждающий фатализм и страх перед роковыми силами, освобождающий сознание от их власти. Сложные мистические идеологические построения разрушаются, обесмысливаются. Побеждает предприимчивость и воля простолюдина, привыкшего во всем полагаться на себя и свой разум. Сказка отвергает идею покорности судьбе и готовит крестьянское сознание к более свободному, широкому и неискраженному взгляду на собственное социальное бытие.

Е. П. Наумов

**ЭТНИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НА БАЛКАНАХ
В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ «ЛЕТОПИСИ ПОПА ДУКЛЯНИНА»)**

При изучении этнических процессов в Юго-Восточной Европе, в особенности в рамках возникших на этой территории раннефеодальных государств, встречаются, как известно, значительные трудности. Это происходит не только из-за малочисленности и фрагментарности соответствующих свидетельств письменных памятников той поры¹, но и вследствие специфики значительной части этих исторических источников, связанных с их византийским происхождением. В данном случае мы имеем в виду очень частое в византийской литературе и историографии стремление к архаической терминологии, отказ от упоминания подлинных самоназваний народностей той эпохи и замену их описательными архаичными этнонимами, которые, естественно, весьма затрудняют использование сохранившихся сведений для оценки этнической карты Балканского полуострова². Поэтому наше внимание должны привлечь немногочисленные южнославянские памятники раннего средневековья, среди которых особое место принадлежит необычайно интересному и сложному произведению исторической мысли, получившему в научной литературе наименование «Летопись попа Дуклянина», или «Барский родослов»³. К этому источнику, содержащему описание исторических событий на Балканах со времен готского владычества (т. е. с V или VI в. н. э.)

¹ См., напр.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.: Наука, 1982, с. 167—168, 181.

² См., напр.: *Литаврин Г. Г.* Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках.— В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.: Наука, 1976; *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии/Очерки теории и истории. М.: Наука, 1981, с. 266; *Бибиков М. В.* Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII—XIII вв.).— В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования/1980 год. М.: Наука, 1981, с. 43 сл.

³ *Шишић Ф.* Летопис попа Дуклянина. Београд — Загреб, 1928; *Мижушкович С.* Летопис попа Дуклянина. Титоград, 1967. Эти издания Летописи наиболее важны, так как здесь даны тексты ранних (латинской и итальянской) и поздней (хорватской) редакций источника, фотокопия Ватиканской рукописи, обширные вводные статьи, примечания и сербо-хорватский перевод Летописи.

и вплоть до середины XII в., обращались многие ученые⁴, однако до сих пор анализ «Летописи попа Дуклянина» нельзя признать завершенным.

Без сомнения, в заметной мере это обусловлено влиянием работы Сл. Миушковича, предложившего новую датировку этого сочинения (т. е. самое раннее — второй половиной XIV в. вместо середины или конца XII в.)⁵ и поставившего ее под сомнение как исторический источник. В других работах, посвященных источниковедческим аспектам памятника⁶, все еще не были рассмотрены достаточно подробно многие немаловажные проблемы средневековой терминологии. Это в первую очередь относится к сложным и зачастую еще спорным вопросам, касающимся этнических представлений и наименований, которые встречаются в данном памятнике, к их соотношению со свидетельствами иных источников об этнических процессах на Балканах (в особенности — в западной части полуострова, в пределах современной Хорватии, Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины) в раннефеодальную эпоху.

Примечательно, что собственно этим аспектам Летописи, в отличие от проблем политической или социальной истории, посвящены лишь отдельные страницы в работах югославских историков Ф. Шишича (например, о названии «Красная Хорватия» и о так называемой «готомании» автора Летописи) и Н. Радойчича (об отношениях славян с романским населением и греками)⁷. Очень мало внимания уделено этой стороне сообщений Летописи и в советской историографии⁸.

В научной литературе текст Летописи признается достоверным, хотя в нем содержатся определенные домыслы и генеалогические натяжки автора. В свою очередь анализ данного памятника в этнотерминологическом плане может быть весьма полезен и для исследования самой его структуры и состава, поскольку, как уже неоднократно отмечалось в историографии, это сочинение было подготовлено на основании ряда предшествующих письменных источников, в частности «Жития князя Владимира Зетского» (XI в.), быть может, также так называемой «Требиньской хроники», «Книги о готах» и т. д.⁹

Как же описывает нам народы Балканского полуострова в эпоху раннего средневековья анонимный автор Летописи попа Дуклянина?

Прежде чем говорить о его этносоциальных представлениях и концепциях, нам необходимо упомянуть об основной его идее — так называемой готомании, уже рассмотренной Ф. Шишичем: речь идет о вполне продуктивной теории автора Летописи, который, ссылаясь уже во введении на некую Книгу о готах, стремится отождествить предков балканских славян (и соответственно предков описываемых им далее королей Хорватии и Сербии) с *готами* и готскими правителями¹⁰. Можно согласиться с выводом Ф. Шишича, что в Летописи использованы какие-то средневековые (латинские или византийские) письменные памятники, поскольку, действительно, уже в позднеантичной и раннесредневековой литературе начинается смешение терминов «геты», «готы», «скифы», которые применяются для обозначения славян и других «варварских» народов¹¹. По

⁴ См., напр.: *Радойчић Н.* Друштвено и државно уређење код Срба у раном средњем веку (према Барском родослову). — Гласник Скопског научног друштва, 1936, кн. XV—XVI; *Хвостова К. В.* К вопросу о терминологии Летописи попа Дуклянина. — В кн.: Славянский архив. М.: Изд-во АН СССР 1959; *Банашевић Н.* Летопис попа Дуклянина и народна предања. Београд, 1971.

⁵ *Миушковић С.* Op. cit., с. 114—116; ср.: *Наумов Е. П.* Новое издание «Летописи попа Дуклянина» (Пересмотр прежних представлений и гипотез). — Советское славяноведение, 1969, № 4, с. 105—108.

⁶ См., напр.: *Банашевић Н.* Op. cit.; *Ferluga J.* Die Chronik des Priesters von Diokleia als Quelle für die byzantinische Geschichte. — *Вуџанџива*, 1980, т. 10.

⁷ См., напр.: *Шишић Ф.* Op. cit., с. 110 сл., 167 сл.; *Радойчић Н.* Op. cit., с. 22—23.

⁸ См., напр.: Развитие этнического самосознания..., с. 193.

⁹ См., напр.: *Шишић Ф.* Op. cit., с. 106—108; *Миушковић С.* Op. cit., с. 111—112; ср. также о Житии Владимира Зетского: *Наумов Е. П.* Slawische Aristokratie und Kirche in den byzantinischen Provinzen und den frühfeudalen Nachbarstaaten. — *Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus*, 1982, В. 6, S. 110—112.

¹⁰ *Шишић Ф.* Op. cit., с. 292.

¹¹ *Ibidem*, с. 113—120.

нашему мнению, анализ текста источника не позволяет признать убедительными соображения Ф. Шишича, когда он говорит о смысле такого отождествления готов и славян и пытается приблизительно определить начало готомании.

В самом деле, как утверждает Ф. Шишич, «Поп Дуклянин *идентифицирует готов со славянами* лишь до тех пор, пока они (славяне.— *Е. Н.*)—язычники, т. е. пока они не приняли крещения, и поэтому он и говорит о готах только в первых главах своей *Летописи*»¹². Между тем рассмотрение первых страниц данного памятника, где действительно, мы только и находим готов, убеждает нас в противоположном. Прежде всего в связи с этим нужно сказать о введении к *Летописи*, где анонимный автор полностью идентифицирует готов и славян, вовсе не упоминая об их «язычестве» (примечательно, что, обращаясь к своим читателям, он называет Книгу о готах,— «которая по-латыни называется Царство славян»¹³). И далее, в первых разделах своего сочинения, неизвестный автор старается неприметно «перейти» от наименования готы к этнониму славяне.

По нашему мнению, этот факт, как и само употребление термина «готы» лишь в начальных разделах *Летописи*, скорее следует расценить как довод, свидетельствующий об использовании ее автором некоего, пусть небольшого сочинения Книга о готах; оно затем могло стать обозначением более пространного произведения, хотя такое предположение и было отвергнуто Ф. Шишичем¹⁴. Действительно, как же описывается древнейшая история западной части Балканского полуострова в первых разделах *Летописи* попа Дуклянина? Вначале автор говорит о вторжении с севера в Паннонию, Далмацию и Истрию (при императоре Анастасии— в 491—518 гг.) готов— «народа дикого и необузданного», занявшего и всю Иллирию и Далмацию после того, как ими был наголову разбит «король далматинцев»¹⁵. Примечательно, что нигде далее автор не упоминает этих далматинцев, не поясняет, какое же собственно население жило в Далмации, Иллирии, Превалитании (в противовес, например, Константину Багрянородному)¹⁶. В то же время далее в разных разделах памятника говорится о романах и латинах. Поэтому, вероятно, термин «далматинцы» в тексте *Летописи* необходимо расценивать как определение политико-географического, а не этносоциального характера.

Повествуя затем о повелителях готов, завладевших Иллирией и Далмацией (Остроиле и Сенулате, а затем Селимире), автор вовсе не подчеркивает их принадлежность к готам, а применительно к Селимиру вводит любопытный оборот, допускающий различные истолкования и вместе с тем незаметное, на наш взгляд, отождествление готов со славянами. Так, король Селимир, по его словам, «любил» всех «христиан» (знаменательно, что автор именовал христианами лишь тех, кто был в войске «короля далматинцев» и кто позднее, при Сенулате, жил «в приморских городах»). Более того, как говорится в *Летописи*, именно Селимир «наполнил землю *множеством славян*»¹⁷. Эта фраза, по нашему мнению, убедительно свидетельствует о неправомерности гипотезы Ф. Шишича о том, что готы— это лишь язычники, поскольку тут и речи нет о принятии христианства правителями Далмации (готскими или славянскими) и подвластным им народом. О соединении в данной главе разных материалов, как нам кажется, может говорить и то, что в основной рукописи (Ватиканской)— латинской редакции— слова «множеством славян» вписаны дополнительно между строк¹⁸.

Точно так же заметно это отождествление и в последующей главе (5-й по изданию Шишича), посвященной правлению короля Влада. Этот рассказ можно приблизительно датировать (по упоминанию вторжения

¹² Ibidem, с. 112 (Здесь, как и в других цитатах, курсив везде наш.— *Е. Н.*).

¹³ Ibidem, с. 292.

¹⁴ Ibidem, с. 108—109.

¹⁵ Ibidem, с. 293—295.

¹⁶ Ср., напр.: Развитие этнического самосознания..., с. 168.

¹⁷ Шишич Ф. Op. cit., с. 297.

¹⁸ Миццикович С. Op. cit., с. 127 (фотокопия Ватиканской рук.).

болгар) концом VII в. В указанной главе интересны многие этнонимы и описание значительных этнических сдвигов на Балканах той поры, равно как и сама оценка автором Летописи (и, заметим, быть может, также ее переписчиками) этнической принадлежности тех или иных групп местного населения. Наконец, глава эта любопытна и тем, что именно здесь мы в последний раз находим этноним «готы», однако уже в прямом отождествлении со славянами. Рассмотрим поэтому подробнее ее текст.

«Кроме того, — продолжает здесь автор Летописи — во время правления Владина двинулось бесчисленное множество народов от огромной реки *Волги*, от которой они [себе] и взяли имя, а именно от реки Волга они называются вплоть до нынешнего дня — *Вулгары*» (в итальянской редакции — «Вулгары или болгары») ¹⁹. Далее в Летописи говорится о поселении болгар на Балканах и взаимоотношениях их с местным романским населением и с королевством Владина (т. е. готами или славянами). «Эти (болгары.— *Е. Н.*), — пишет автор Летописи, — с женами, сыновьями и дочерьми и со всем имуществом и большим достоянием пришли в провинцию Силлодуксию», причем ими предводительствовал «каган» (т. е. император, по словам Летописи, Крис и девять подчиненных ему князей) ²⁰. Затем болгары, продолжая войну с императором Константинополя, «захватили всю Македонию, а после этого — всю провинцию *латинов*, которые в то время назывались *романы*, теперь же именуются *моровлахи*, т. е. *черные латины*». Император после долгих войн заключил с ними мир; также поступил и король (гото-славянский) Владия, «видя, что это — великое множество народа (т. е. болгар.— *Е. Н.*)». И далее автор добавляет пассаж, весьма любопытный для выяснения сущности его представлений о болгарях и его готской теории: «И начали оба народа сильно любить друг друга, т. е. *готы*, которые и *славяне*, и *вулгары*, и особенно потому, что оба народа родственны (принадлежат к одному роду.— *Е. Н.*) и у всех был один язык» ²¹.

Вслед за этой знаменательной фразой автор Летописи так завершает рассказ о болгарях (и вместе с тем — главу пятую по изданию Ф. Шишича): «Потом вулгары, уже чувствуя себя в безопасности со всех сторон, построили себе села и поселки и заселили землю, которую заняли, вплоть до нынешнего дня» ²².

Теперь мы можем в определенной мере суммировать наши наблюдения по тексту первых глав Летописи и проанализировать представления ее автора о названных народах Балканского полуострова, связанные, как мы видели, с его готской концепцией. Бросается в глаза прежде всего то, что материал рассмотренных глав и введения не подтверждает точку зрения Ф. Шишича, будто готы Летописи означают славян до принятия христианства. В действительности же, как мы уже говорили, здесь наглядно проявляется соединение автором *разных* источников, т. е. преданий о славянских королях Хорватии и Сербии (в последующие века) и некоего (вероятно, *церковного*) сочинения по истории христианства в Далмации, где речь шла и о вторжениях готов и прочих «варваров». Как же поступил анонимный автор, который свел все эти источники? Он просто-напросто отбросил древнейшие сказания о первых южнославянских вождях и князьях, заменив их вышеназванным церковным сочинением о ранних христианах Далмации, их «мучениях» и «гонениях» со стороны варварских королей. При этом он механически отождествил готов со славянами. Иными словами, здесь им руководило не столько желание показать свою ученость, сколько весьма практические устремления — он хотел «угодить» таким образом христианскому клиру Далмации (точно так же, как поступал позднее, в XIII в., знаменитый своей

¹⁹ Шишич Ф. *Op. cit.*, с. 297.

²⁰ *Ibidem*.

²¹ Шишич Ф. *Op. cit.*, с. 298 (для понятия «народ» в Летописи применяется термин «*populus*»). Ср.: Мижушкович С. *Op. cit.*, с. 184 (здесь в переводе сказано, что оба народа были «язычскими», но не родственными; такой перевод кажется нам менее правильным, ибо в Летописи прямо сказано об «одном языке» их).

²² Шишич Ф. *Op. cit.*, с. 298.

«Историей» Фома Сплитский)²³ и в то же время польстить новым славянским властителям Далмации, королям Хорватии и Сербии, создав им столь «пышную» и значительную (с точки зрения западноевропейских средневековых книжников) генеалогию. Именно в этом плане Летопись попа Дуклянина, как мы уже отмечали, весьма сходна с позднейшими сочинениями русских и сербских писателей²⁴.

Одновременно мы можем отметить резкое отличие Летописи от древнейших сказаний о поселении сербов и хорватов на Балканах, которые нам известны в пересказе X в., зафиксированном в известном труде Константина Багрянородного «Об управлении империей»²⁵. Не менее любопытен здесь и тот факт, что уже в материалах по древнейшей истории Хорватии, использованных Константином Багрянородным, проявилась та же самая «деформация» описаний этой эпохи, которая свойственна Летописи, т. е. отбрасывание старинных легенд о первых хорватских (разумеется, языческих) правителях, чтобы угодить церкви и включить благочестивые рассказы о крещении хорватов, о заветах св. Мартина и т. п.²⁶

Нужно также отметить, что в старинных хорватских и сербских преданиях, хотя уже хорватские легенды подверглись (к X в.) заметной «деформации» в христианском духе, все-таки нет готомании, которая свойственна Летописи попа Дуклянина. Это позволяет, по нашему мнению, уточнить данную Шишичем датировку «этногенетической» теории анонимного автора. Как следует из сказанного выше, такие теории возникают не «самое позднее в X в.», а скорее в XI в., быть может, даже во второй половине XI в.— в связи с успехами хорватских и дуклянских королей²⁷.

Представляется, однако, что было бы неверно ограничиться лишь таким выводом. Приведенные ранее сообщения о поселении болгар на Балканах и скромное примечание о моровлахах имеют для нас не меньший интерес. Показательно, в частности, что у автора Летописи нет никаких сомнений по поводу этнической принадлежности болгар (вулгар); он их считает *славянами* («у всех», т. е. у готов, славян и болгар, «был один язык»), хотя они и пришли с берегов Волги. Иными словами, в данном случае автор Летописи располагал материалами о болгарях, появившимися не ранее середины IX—X вв., когда иноземные писатели без всяких колебаний и сомнений называли жителей Болгарии славянами²⁸.

Говоря об использовании автором Летописи старинных источников, мы не должны, разумеется, забывать о наличии в ее тексте и *более поздних* сведений и этнонимов. Ярким свидетельством такой разновременности сообщений Летописи является приведенная выше глосса к понятию «провинция *латинов*» (или латинян)²⁹. Более ста лет назад К. Иречек в своей специальной статье «Влахи и мавровлахи в дубровницких памятниках» весьма убедительно показал, что термин «мавровлах» встречается в документах г. Дубровник лишь с середины XIV в. (а с XV в. в дубровницких и венецианских материалах появляется стяженная форма — морлах, морлак или мурлак), тогда как ранее, в частности в XIII—XIV вв., для обозначения этой категории балканского населения употреблялся преимущественно этноним *влахи*³⁰. Иными словами, в данном случае мы можем говорить о наличии более поздней, нежели весь текст этих глав и всей Летописи, интерполяции, целью которой было объяснение термина «латины» — уже с точки зрения этнических представлений *конца XIV в.*

²³ См., напр.: *Смирнов И. Н.* Отношения Венеции к городским общинам Далмации с XII до половины XIV века. Казань, 1881, с. 136.

²⁴ Ср.: *Наумов Е. П.* Указ. раб., с. 107.

²⁵ См., напр.: Развитие этнического самосознания..., с. 168, 181.

²⁶ Там же, с. 178.

²⁷ Ср.: *Шишић Ф.* Op. cit., с. 111.

²⁸ Ср.: Развитие этнического самосознания..., с. 70—71.

²⁹ Ср.: *Наумов Е. П.* Указ. раб., с. 107.

³⁰ См.: Сборник Константина Иречека. Београд, 1959, т. I, с. 193—204; ср. также: *Литаурин Г. Г.* Влахи византийских источников X—XIII вв.— В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев: Штиинца, 1972, т. 1.

В то же время, говоря об этой фразе Летописи, где упоминается о захвате болгарами «провинции *латинов*» и включение ее окончательно в состав нового Болгарского государства, мы должны ответить и на вопрос, как следует оценивать это сообщение анонимного автора (или его источника). Разумеется, если мы подойдем к данному известию с позиций современной историографии, достаточно полно представляющей размеры первоначальной территории Болгарского государства в конце VII в. (т. е. державы Аспаруха)³¹, станет очевидной полная необоснованность этого сообщения. Но, на наш взгляд, дело обстоит несколько иначе. Если вспомнить, что в действительности анонимный автор уже говорит о болгарах как о *славянах*, т. е. он имеет в виду Болгарию середины IX—X в. — самое раннее, можно признать достаточно достоверным заявление Летописи, что это новое Болгарское государство (судя по контексту) граничило с державой гото-славянских королей Сербии и Хорватии. В самом деле, первое Болгарское царство при Борисе и Симеоне уже граничило с Сербией и даже Хорватией, а заметное хронологическое смещение границ Болгарского государства в тексте Летописи по па Дуклянина, по нашему мнению, позволяет понять и смысл упоминания о «провинции латинов» и ее месте в рамках Болгарского государства середины IX—X в.

Действительно, если иметь в виду, что в ту эпоху в состав первого Болгарского царства входили и некоторые области западной части Балканского полуострова, где жили (согласно византийским источникам) влады, идентичные с латинами или романами (такое обозначение встречается в памятниках, написанных по-латыни)³², то следует признать данное сообщение Летописи о латинах или влахах в этих балканских областях, позднее (*но не в конце VII в.!*) входивших в состав державы Бориса и Симеона, вполне достоверным и убедительным. Более того, как нам кажется, это свидетельство, которое мы можем примерно датировать X—XII вв., может стать любопытным дополнением сведений, которые можно извлечь о влахах из византийских материалов.

Значение Летописи для характеристики этногенетических представлений и этнической терминологии на Балканах в период раннего средневековья, естественно, не исчерпывается приведенными выше свидетельствами. Примечательно, что последующее повествование служит своеобразным дополнением (или прямым продолжением) Книги о готах; причем оно соединяется с рассказом о крещении болгар и гото-славян (аналогичным по своей сути сохранившемуся в первой русской летописи «Сказанию о распространении христианства на Руси»³³). Именно здесь проявляется особое внимание самого автора (или его источника) к судьбам «христиан», т. е. местного романского населения Далмации.

Этот пристальный интерес Летописи к положению романцев — «христиан» Далмации в рамках южнославянского государства и, более того, попытки рассмотреть этногенетические процессы не так однозначно, как это делали другие средневековые писатели, заслуживают, на наш взгляд, специального исследования. В самом деле, как мы знаем, в раннесредневековой литературе при описании вторжений славян и заселения ими Балкан обычно речь идет лишь о процессах и этнических переменах *одноплановых* и необратимых, т. е. славяне наступают, заселяют те или иные земли, а местное автохтонное население лишь отступает, спасается на островах или в приморских городах³⁴.

Однако, по всей видимости, и *после* заселения славянами Балкан имели место немаловажные передвижения славянского и неславянского населения в рамках новых, славянских политических образований. Для ха-

³¹ Ср., напр.: Развитие этнического самосознания..., с. 54—55.

³² См., напр.: Сборник Константина Жирочек, т. 1, с. 194; ср.: Наумов Е. П. Процессы формирования средневековой сербской народности и балканские влады (в XII—XIII вв.). — В кн.: Формирование раннефеодальных славянских народностей. М.: Наука, 1981, с. 197.

³³ См., напр.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1947, с. 66 сл.

³⁴ Об оценке таких сообщений византийских источников ср.: Бромлей Ю. В. Указ. раб., с. 266.

рактические их полезно, вероятно, привлечь сообщения Летописи попа Дуклянина, в частности, из глав 6-й, 7-й и 9-й по изданию Ф. Шишича. Эти сведения важны именно для исследования проблемы роли аборигенного дославянского населения на Балканах в процессе складывания новых раннефеодальных славянских народностей; на значимость этой проблемы уже неоднократно указывал в своих работах Ю. В. Бромлей³⁵.

Что же говорит нам автор Летописи об этнических процессах на территории легендарного королевства готской династии (т. е. в Сербии, Хорватии примерно в VIII—IX вв.)? По его словам, после короля Владина, помирившегося с болгарами, стал править сын его Ратомир, «враг христианского имени», который начал «христиан сверх меры преследовать и хотел уничтожить в стране и своем королевстве [само] имя их, [он] также многие их города и [населенные] места разрушил, а прочие, обратив в рабство, сохранил. А христиане, видя, что им приходится испытать [столь] великую напасть и гонение, *начали, собираясь, на горных вершинах* и недоступных местах *воздвигать крепости* и строения, как могли, чтобы только избежать этих преследований»³⁶. Поскольку, как мы знаем, речь шла лишь о приморских городах романцев-«христиан» Далмации, это сообщение мы можем понять как указание не только на известное нам основание жителями Эпидавра нового города (Рагуза или Дубровника) или аналогичных центров *на побережье* Адриатического моря, но и на определенное смещение части романского населения внутрь страны, в горные районы, где, видимо, им нередко еще удавалось сохранять самостоятельность.

Вероятно, такие *обратные* передвижения некоторых групп автохтонных жителей Далмации продолжались, если верить Летописи, и позднее, притом довольно долго. Так, повествует далее наш анонимный автор, после смерти гонителя христиан Ратомира правили еще четыре «несправедливых короля», которые «всегда» преследовали христиан; поэтому-то в те времена «многие христиане из приморских и загорских областей, не желая себя замарать их порочными обычаями (т. е. обычаями королевскоязычников.— *Е. Н.*), бежали повседневно и отовсюду *присоединялись к тем, кто находился в горах* и укрепленных местах»³⁷, чтобы таким образом избежать гонений и не погубить свою душу вместе с «варварами».

В данном случае для нас особенно важно сообщение автора Летописи о том, что названные «христиане»-романцы обитали не только в приморской полосе, но и во внутренних («загорских») районах, отделенных от побережья массивом гор Динарской системы. Любопытно также свидетельство рассматриваемого источника, что романское население в этих труднодоступных горных местностях постепенно увеличивалось за счет притока аборигенов из тех областей, где, видимо, они были в меньшинстве. Иными словами, следуя описанию автора Летописи, можно предположить, что здесь речь идет о появлении каких-то зачатков своеобразных «малых Влахий», т. е. отдельных замкнутых территориальных комплексов влашского населения не только на границе, но и внутри южнославянских раннефеодальных государств³⁸.

Быть может, именно на основании этих сообщений Летописи в сербской буржуазной историографии конца XIX в. было высказано предположение о формировании в X в. неких влашских «коридоров» между Сербией и Зетой, с одной стороны, Сербией и Болгарским царством — с другой. Как мы отмечали, ввиду отсутствия конкретных доказательств эту гипотезу все же нельзя признать обоснованной, даже если допустить наличие влахов в Сербии и Хорватии той эпохи³⁹.

³⁵ Там же, с. 260 сл.

³⁶ Шишич Ф. *Op. cit.*, с. 298—299 (гл. VI).

³⁷ *Ibidem*, с. 299—300 (гл. VII).

³⁸ Ср.: Наумов Е. П. Балканские вlahи и формирование древнесербской народности.— В кн.: Этническая история восточных романцев. М.: Наука, 1979, с. 40; см. также: *его же*. К вопросу о значении термина «Влахия» в хронике так называемого Ансберга.— В кн.: Этническая история..., с. 202.

³⁹ См. подробнее: Наумов Е. П. Процессы..., с. 195.

Гипотеза о существовании обширных территорий, сплошь и постоянно заселенных одними влахами, представляется неубедительной еще и потому, что даже сам автор Летописи говорит нам о различных неоднозначных тенденциях этнической и политической истории той поры. По его словам, уже при следующем короле, Звонимире, гонения на христиан прекратились (вероятно, в конце IX в., судя по рассказу о крещении болгар Константином Философом)⁴⁰. Константин-Кирилл Философ, как мы читаем в Летописи (в гл. 9-й по изданию Ф. Шишича), также обратил в христианскую веру и преемника Звонимира — короля Светопелека «со всем его королевством», после чего, естественно, изменилось и положение непокорных романцев-христиан, бежавших ранее от «злых королей».

Об этом автор Летописи рассказывает подробно: «В это время наступило великое веселье, и христиане, спускаясь с гор и из скрытых мест, где они были рассеяны, стали восхвалять имя господя», а король Светопелек «приказал христианам, которые пользовались латинским языком, чтоб вернулся каждый на свое место и восстановили города и [населенные] пункты, каковые некогда были разрушены язычниками»⁴¹. Таким образом, если верить приведенному рассказу, в это время вновь совершилось обратное перемещение автохтонов-романцев на прежние места их расселения, т. е. в приморскую полосу, а временные «влахии», о которых говорилось выше, исчезли. По крайней мере автор Летописи в последующие столетия видит латинян лишь опять на побережье Адриатики, а не вдали от моря. Об этом свидетельствует, например, любопытный пассаж о последствиях сарацинских набегов на Далмацию (судя по контексту, его можно датировать примерно концом X в.).

По свидетельству Летописи, в результате вторжения огромного сарацинского флота с Сицилии были разрушены «все приморские города» Далмации, а местные «латиняне, спасаясь, устремились в горы, где жили славяне». Когда же латиняне стали возвращаться в «свои города, то славяне, захватив, удерживали их как рабов. Потом многие (славяне.— Е. Н.) отпустили латинян с тем условием, что всегда им они (латиняне.— Е. Н.) будут платить дань и выполнять повинности»⁴².

Показательно, что в этих строках Летописи в последний раз упоминаются латиняне как древние (или же современные автору) жители Далмации⁴³. Во всех последующих главах памятника свидетельства о латинянах или романах отсутствуют, хотя, как известно, в Далмации романское население и местный романский (далматинский) язык продолжали существовать и после XII в., а о событиях той поры и даже участии в них жителей приморских городов (например, которан) автор Летописи знал и писал⁴⁴.

Чем же объяснить такую «забывчивость» средневекового историографа? Нам представляется, что эта любопытная черта рассматриваемого источника прямо связана с тем, как автор Летописи определяет этническую принадлежность основной массы населения в описываемом им баснословном королевстве, включавшем и Хорватию, и Сербию, и Далмацию. Особенности же этногенетических представлений автора, по всей видимости, объясняются сложными и неоднозначными процессами и сдвигами в сфере этнической терминологии и взаимоотношений разных групп местного населения во всем этом регионе Балканского полуострова, где в приморских городах сохранялись не только автохтоны — романцы, но и существовали тесные связи с Италией и другими землями Западной Европы⁴⁵.

⁴⁰ Шишич Ф. Op. cit., с. 300; ср. также Мижушковић С. Op. cit., с. 186.

⁴¹ Шишич Ф. Op. cit., с. 302; ср. Мижушковић С. Летопис ..., с. 189.

⁴² Шишич Ф. Op. cit., v. 318—319, ср. о разночтениях в тексте: Мижушковић С. Op. cit., с. 139 и 216.

⁴³ Ср.: Шишич Ф. Op. cit., с. 325.

⁴⁴ См. о которанах: Шишич Ф. Op. cit., с. 342, ср. о жителях Эпидавра: Мижушковић С. Op. cit., с. 218.

⁴⁵ Ср.: Развитие этнического самосознания..., с. 177, 192.

В самом деле, как же именуется в Летописи народ, населявший владения гото-славянских королей на протяжении IX—XII вв., т. е. уже после принятия христианства всем этим королевством при Светопелেকে? Как мы видели выше, лишь в двух главах автор говорит о латинянах, которые жили преимущественно на побережье Далмации; применительно ко всему остальному, не романскому населению этой обширной части Балкан он *либо вовсе не дает этнонимов*, либо употребляет иногда локальные (или политико-географические) наименования или же, наконец, упоминает (как мы видели ранее в рассказе о нашествии арабов) только о славянах.

Весьма примечательно, что термин «славяне» появляется в тексте Летописи в тех случаях, когда имеется в виду противопоставление *разных этносов*⁴⁶. Так, мы уже приводили выше соответствующие свидетельства автора рассматриваемого сочинения об отношениях готов (т. е. славян) с болгарами или же взаимоотношениях латинян со славянами. То же самое относится и к рассказу о войне «венгерского короля Атиллы» против гото-славянского короля Себеслава, которую завершил «мир между венграми и славянами»⁴⁷. Аналогичны, на наш взгляд, и причины употребления термина «славяне» в рассказе о возвращении Бела-Павлимира на родину и основании им г. Рагузиум (Дубровник).

В этой главе Летописи сказано, что после высадки Бела и его «*римских родичей*» в Груже, «*славяне послали к Белу*» своих представителей; более того, когда «*баны и жупаны страны услышали о прибытии Бела*», они возрадовались, и «*более всего (т. е. возрадовался.— Е. Н.) народ земли славян*»⁴⁸. Иными словами, здесь вновь речь идет об этнической оппозиции, поскольку в данной связи автор подчеркивает, что «*люди из города Эпидавра (т. е. романцы— Е. Н.)*, которые еще находились в горах и лесах» (из-за упомянутого выше арабского набега.— Е. Н.), узнав о прибытии «*Бела с римлянами*» (романами), вместе с ними основали Дубровник. Тут же поясняется название этого нового города, который жители Эпидавра называли Лаузиум, позднее — Рагузиум, а «*славяне его называли Дубровник*»⁴⁹.

Вполне понятно, что автор Летописи отличал народ, находившийся под эгидой описываемых гото-славянских королей и от *греков*⁵⁰, и от немцев («*аламанны*».— Е. Н.)⁵¹ и — что следует особо подчеркнуть — от болгар, которые, правда, говорили на том же языке, т. е. на «*славянском*»⁵². Показательно, что в рассказе об общегосударственном соборе, созванном королем Светопелеком для «устроения» администрации и церкви в его владениях, упоминается приказ короля собрать там всех, кто «говорил как на латинском, так и на славянском языках»⁵³.

Важен вопрос, в каком смысле употребляется в тексте Летописи термин «славяне». Иными словами, можно ли его считать лишь общеродовым названием, обозначением принадлежности к семье славянских народов? Ведь помимо термина «славяне», автор применяет в данном сочинении лишь описательные локально-политические наименования (например, рашани или жители Рашки, т. е. внутренних районов Сербии⁵⁴, «сремцы» — жители области Срем⁵⁵, «жители области Травунии»⁵⁶), *однако вовсе не употребляет этнонимов возникших уже давно раннефеодальных южнославянских народностей — сербы и хорваты*, ведущих свое происхождение от славянских племен VII в. и упомянутых в труде Кон-

⁴⁶ Там же, с. 193.

⁴⁷ Шилић Ф. Op. cit., с. 311.

⁴⁸ Ibidem, с. 319—320.

⁴⁹ Ibidem, с. 320.

⁵⁰ Ibidem, с. 310 сл. (см. в указателе с. 471).

⁵¹ Ibidem, с. 312—313.

⁵² Ibidem, с. 292, 301, 320, 327.

⁵³ Ibidem, с. 304.

⁵⁴ Ibidem, с. 311 сл. (см. в указателе с. 474).

⁵⁵ Ibidem, с. 322.

⁵⁶ Ibidem, с. 320, ср. с. 323; ср. также «боснийцы» в итальянском переводе Летописи (там же, с. 311).

стантина Багрянородного⁵⁷. В связи с этим необходимо отметить неточность в работе Ф. Шишича, перечислявшего соответствующие пассажи Летописи, где говорится о «Белой Хорватии или о хорватах»⁵⁸. В действительности же в латинской и итальянской редакциях источника полностью отсутствует термин «хорваты» (точно так же, как и сербы); правда, иначе обстоит дело в особой, хорватской редакции XIV в., однако ее система этнонимов должна быть предметом специального исследования⁵⁹.

Вполне понятно, что столь целенаправленное «умолчание» автора о сербах и хорватах никак нельзя объяснить его неосведомленностью либо какой-то случайностью, поскольку в Летописи неоднократно говорится и о «Белой Хорватии»⁶⁰, и о некоей баснословной «Красной Хорватии»⁶¹, а в других местах — о «Сурбии» или Сербии, разделяемой на Боснию и Рашку⁶². В известной мере, как нам кажется, такое стремление «избежать» названий южнославянских народностей и одновременно применять лишь термин «славяне» (либо, как мы отмечали, локальные наименования) следует сопоставить с отмеченными выше явлениями, т. е. существованием и передвижениями романского и славянского населения в Далмации, которые могли (в противовес развитию самосознания новых раннефеодальных хорватской и сербской народностей) содействовать укреплению представлений о широкой *славянской* общности, *общеславянского* самосознания⁶³.

В этнической терминологии латинских источников Далмации общее родовое понятие «славяне» вместо «сербы» и «хорваты» применялось, вероятно, и под влиянием давних культурных традиций и тесных взаимоотношений далматинской церкви и городов с папской курией и различными центрами и областями Италии. По всей видимости, отмеченное развитие этнических представлений, зафиксированное в латинских памятниках той поры, в той или иной степени воздействовало и на славянское население, с давних пор существовавшее в городах Адриатического побережья Балкан. Об этом свидетельствует текст Летописи.

Вместе с тем, вырисовываются и примечательные параллели в семантике термина «славяне» в Летописи с другими этнонимами раннего средневековья, такими, как влады и сербы⁶⁴. Речь идет о многозначности этих этнонимов; говоря о конкретном значении термина «славяне» в Летописи по па Дуклянина, нельзя, по нашему мнению, считать, что это лишь указание на принадлежность к славянскому этносу в противоположность иным группам народов, другим языкам (т. е. романским, германским либо финно-угорским — применительно к венграм). Термин «славяне» в рассматриваемом памятнике обозначает *иное* население, нежели славянский (по словам автора Летописи) народ — болгары. Это позволяет допустить возможность, что второе его значение предполагало метаэтническое обозначение *широкой югославянской общности*, т. е. населения всех этих районов западной части Балканского полуострова (Хорватии, Боснии, Герцеговины, Черногории, Сербии, если пользоваться современными географическими понятиями).

Таким образом, как нам кажется, мы можем предположить, что сознательное употребление анонимным автором Летописи термина «славяне» (и, напротив, целенаправленное умолчание о сербах и хорватах) находится в прямой связи с теми его политическими и историографическими концепциями, которые были подчинены главной задаче — генеалогическому и историческому обоснованию «прав» правителей Дукли на все эти земли данного региона.

⁵⁷ Ср.: Развитие этнического самосознания..., с. 167 сл., 183 сл.

⁵⁸ Шишич Ф. Op. cit., с. 172 и 480.

⁵⁹ См., напр.: Шишич Ф. Op. cit., с. 377 сл.

⁶⁰ Шишич Ф. Op. cit., с. 306 сл. (см. в указателе, с. 470).

⁶¹ Ibidem, с. 306 и 324.

⁶² Ibidem, с. 306, 307, 311.

⁶³ Ср.: Развитие этнического самосознания..., с. 177, 192.

⁶⁴ Ср., напр.: Корольков В. Д. Волохи и славяне русской летописи. Кишинев: Редакционно-изд. отдел АН МССР, 1971, с. 21; Наумов Е. П. Процессы..., с. 193—194.

Как видим, анализ текста Летописи дает возможность достаточно полно понять этническую терминологию и этногенетические представления ее анонимного автора и авторов использованных им источников. Весьма примечательно, что в середине XII в. на Балканах ощущалась потребность в воссоздании далекого, окутанного легендами прошлого описания тех времен, когда на полуострове появлялись новые народы⁶⁵. Более того, возникло и стремление шире (чем в древних хорватских и сербских преданиях) и подробнее осветить положение местного романского населения — латинян или влахов, взаимоотношения и некоторые передвижения народов в эпоху раннего средневековья. Как мы видели выше, автор Летописи попа Дуклянина хорошо представляет себе этническую карту полуострова; он различает разные народы Юго-Восточной Европы и соседних регионов, а именно болгар, немцев, венгров, греков. Термины «латиняне» или «римляне» далее — «славяне», как мы старались показать, заслуживают специального рассмотрения в связи с оценкой применяемых автором разных этнонимов и локально-политических обозначений.

На основании текста Летописи мы можем в какой-то мере воссоздать структуру этнических и этнополитических общностей, охватывавших всю массу населения того баснословного государства готто-славянских правителей, которое, по словам автора, включало разные земли западной части Балканского региона, и в том числе ареалы уже сложившихся раннефеодальных народностей — сербской и хорватской. Автор представлял себе, по нашему мнению, эту систему народов в следующем виде: славяне, т. е. люди, принадлежавшие к славянскому этносу; следующий уровень этнической иерархии — это опять-таки термин «славяне» (но в данном случае термин применяется уже в смысле наднародностной общности — вместо этнонимов «сербы» и «хорваты»), а далее идет уровень низших локально-этнических или локально-политических общностей типа рашани (жители Рашки), народ Травунии, боснийцы, которые, видимо, можно рассматривать как протонародности той поры.

⁶⁵ Ср.: Развитие этнического самосознания..., с. 189, 192.

В. Н. Ткачев

ЭВОЛЮЦИЯ ОХРАННОЙ СИМВОЛИКИ В АРХИТЕКТУРЕ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В работе над средой обитания человек, по-видимому, исходил из представлений о физическом и душевном комфорте. Действительные или воображаемые угрозы уничтожения комфорта заставляли прибегать к мерам для его сохранения. Идея защиты материализована в бесчисленных проявлениях реального и символического противодействия злу и опасности: от магического круга, прочерченного веткой по земле, до крепостей, сложенных из гигантских каменных блоков.

Символика зарождается как один из элементов праязыка, как средство знаковой информации, рассчитанное главным образом на заочные формы контакта, скажем, при обозначении границ освоенной территории в сочетании с угрозой наказания пришельца.

Актуальность запретительных знаков нарастает в эпоху неолита с миграцией избыточного населения из метрополий культурных очагов. Чтобы символ табуированности территории был понятен сам по себе и достаточно эффективен по силе эмоционального воздействия, форма его должна отражать интуитивно и однозначно воспринимаемые признаки выраженного им действия. Кол с пучком травы, известной ядовитыми свойствами, цепочка камней, плетеная изгородь, поваленное поперек тро-